

УДК 81'28

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ ДУХА ДОМА, В МИФОЛОГИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ ПЕРМСКОГО КРАЯ¹

Дарья Александровна Межевая

Магистрант кафедры русской литературы

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15. mezhevaya.dasha@mail.ru

В статье рассматриваются лексические единицы и словосочетания, обозначающие домового. Отмечается, что данные единицы образуют три группы: номинации духа дома; обозначения его облика; названия мифологического персонажа, используемые в вокативной функции. В статье описана структура текстов, представляющих собой формулы-апотропеи и включающих обращение к домовому. Проанализирована структура вокативных единиц. Сделан вывод о том, что чаще всего вокативы, обращенные к духу дома, состоят из двух компонентов. Иногда вторым словом вокатива является заумь.

Ключевые слова: мифологический текст; Пермский край; мифологическая лексика; названия духа дома; обращения к духу дома.

На территории Пермского края широко распространены мифологические представления. Большинство из них реализуется на уровне мотивов, часть которых «вербализуется в номинациях персонажей народной демонологии» [Русинова, Гранова 2016: 160]. Объектом анализа в данной статье являются единицы, обозначающие духа дома и использующиеся в номинативной и вокативной функциях. В работе также рассмотрены слова и словосочетания, отражающие народные представления о различных обликах домового.

Материалом для настоящего исследования послужили мифологические тексты, взятые из фольклорно-этнографических сборников: «Былички и бывальщины: старозаветные рассказы, записанные в Прикамье» (1991), «Вишерская старина: сборник фольклорно-этнолингвистических материалов по обрядовой традиции Красновишерского района» (2002), «Земля Соликамская. Традиционная культура, обрядность и фольклор русских Соликамского района» (2006), «Куединские былички: мифологические рассказы русских Куединского района Пермской области в конце XIX – XX вв.» (2004), «Русские в Коми-Пермяцком округе: обрядность и фольклор» (Бахматов и др. 2008).

Домовой – «домашний дух, мифологический хозяин и покровитель дома, обеспечивающий нормальную жизнь семьи, здоровье людей и животных, плодородие» [Левкиевская 1999а: 120]. «В русских говорах Пермского края широко распространены номинации этого персонажа, отражающие представление о том, что домовый обитает в доме. Такие названия включают в свой состав корни *-дом-* или *-изб-*: *доминошник, домо-*

вёнок, домовик, домовиха, домовой, домовуха, домовушка, домохвост, избник, избушечник» [Русинова, Гранова 2016: 160].

Е.Е. Левкиевская отмечает, что «домовой мыслится как хозяин и покровитель дома» [Левкиевская 1999а: 115]. Отсюда такое наименование, как *хозяин*:

*Был такой случай. Телка у нас была. Раньше скотину держали – все нормально было, а эта каждое утро мокрая. Сказали, что ее не любит **хозяин**. Надо деньги в конюшине по углам побросать. Так и сделали, вроде, помогло* (Куединские былички: 24).

По народным представлениям, домовый живет в одном доме вместе с хозяевами, является их соседом. Данный мотив вербализуется в таких номинациях, как *соседко, соседка, соседиха*:

Суседко давит. Если некрепко спишь – слышишь. Деда-то моего душили. Проснулся и выговорить не может. Все горло сдавит (Куединские былички: 21); *Муж к этому времени умер. Его вспоминаю, думаю. Все равно чувствует сына. Он ночью и явился. Я лежу на спине, сын рядышком. Я лежу и думаю засыпать. Вот в 12 часов свет погас, он прикоснулся ко мне. Под койкой по стене зашабаркало. Одной рукой за горло меня взял. Я хочу его за спину взять, а он не дает. Я от соседок слыхала, что **суседко** давит* (Куединские былички: 59); *Поженились мы с мужем недавно и в новый дом пошли. Только зашли. Тут вышла баба и на меня глядит, маленькая такая бабочка. Руки в боки уперла, глаза выпучила и не мигает. Я испужалась-то, стою, за мужнин рукав схватилась. Говорю ему: «Гляди, гляди, что это баба на меня смотрит?». Она исчезла. Вот, это **суседиха** была...* (Куединские былички: 21).

Итак, с одной стороны, домовый воспринимается как хозяин дома и сосед, живущий в одном

доме с людьми; с другой – существует устойчивое «представление о том, что духи-“хозяева” являются демонами, представителями “нечистой силы”» [Гранова 2017: 102]. Поэтому в качестве номинаций домового могут выступать единицы, называющие представителей нечистой силы, такие как *бес, бесишко, чертёнок*:

А это плёл косы лошаде на гриве суседка-то. Какой-то дворовой, чертёнок такой... (Былички и бывальщины: 110); *Сусед-то бес, бесишко он* (Былички и бывальщины: 112).

Помимо собственно номинаций духа дома, в пермских мифологических рассказах встречаются единицы, обозначающие домового через его облик: как представитель нечистой силы, способный к оборотничеству, он может принимать облик любого члена семьи, любого животного, «причем предпочитает являться в виде змеи, ласки, кошки, петуха, большой крысы...» [Левкиевская 1999а: 121]. Такие единицы необходимо четко отличать от собственно номинаций.

Как свидетельствуют мифологические тексты, чаще домового показывается человеку в антропоморфном облике, при описании духа дома могут быть использованы общие названия человека: *мужик, женщина, баба, бабочка*:

Баба у нас шибко вредная и скотину обижала. Коровы у неё добрая была. Вот поставила она корову в хлев-от да спать легла. Видится ей во сне, что мужик сидит подле коровы её. Утром встала, пошла к скотине, доить стала, а молока-то нет! То, видно, суседка её наказал. Скотина-то – она ведь тоже живность – нельзя её обижать (Былички и бывальщины: 110–111); *...глянула и вижу, что на шестке свеча горит. Подняла голову, а там женщина сидит, суседка-то...* (Былички и бывальщины: 103); *Поженились мы с мужем недавно и в новый дом пошли. Только зашли, тут вышла баба и на меня глядит, маленькая такая бабочка. Руки в боки уперла, глаза выпучила и не мигает. Я испужалась-то, стою, за мужнин рукав схватилась. Говорю ему: «Гляди, глади! Что это баба на меня смотрит?» А она исчезла. Вот это суседиха была* (Куединские былички: 21).

Широкое распространение получили лексемы, свидетельствующие о том, что домового может принимать вид старика или старухи. Отсюда такие лексические образования, как *дедушка, старик, старушка-домовушка, старушка, старушоночка*:

Я спать легла, и меня старик так давит и давит. Старухи говорят, надо было спросить: «К худу или к добру?» Выглядел: солидный такой, борода большущая, высокий, худой. В чём одет, не помню. А бабы говорят, спросить надо было: «К чему меня давишь, к худу ли к добру?» Если к добру – то к добру, если к худу – так к худу (Материалы); *В доме старушка-*

домовушка живёт. Маша была дома, пела песни. Из-за печки вылезла домовушка, сказала: «Перестань!» Маша продолжала петь. Домовушка снова говорит: «Перестань!» Маша всё равно поёт. Старушка-домовушка говорит: «Перестань, а то удушу». Маша закричала, а старушка испугалась и обратно за печку убежала (Былички и бывальщины: 92); *Как у меня мужик-то помер, я и затосковала. Ночью в то время суседку и видела. В ночь после похорон лежу, плачу на кровати. Вдруг старушоночка из-за печки да возле кровати на колени и встала. Платочек у нее беленький. И я глаза закрыла, да до утра так и пролежала* (Вишерская старина: 33).

По народным представлениям, домового имеет маленький рост (по сравнению с человеческим), поэтому при описании духа дома используются следующие единицы: *маленькая бабка, маленький мальчик, маленький человечек, маленький старичок, махонький мужичок, небольшой мужичок в красном колтаке*:

На самом деле домового-то был у нас. <...> Муж говорит: «Я, говорит, прихожу домой, посуда вся вымыта. Всё, Таньки, говорит, спрошу, у дочери. “Танька, ты мыла?” – “Нет, не мыла”. – “Кто вымыл?” – “Домовой”». У нас бабушка вон, мать евонная, живёт, говорит: «Восходи, посуда брякает, говорит, обоконок хлопает». А сами-то единственное, чё видели, – кой-ко маленький человечек ходит (Куединские былички: 21); *Вот когда я еще в Дойной-то жила, был у нас на конце села дом. В нем никто не жил. Сколько людей-от покупали его, да все уезжали. Кто ить жил-то в нем, рассказывали. Иногда обернешься, а из спальни двое мужичков махоньких таких выглядывают в большую половину. А как к двери подойдешь, исчезнут. Вот все из дому-то бежали – боялись. А это, наверное, суседко выглядывал. Он, может, голодный был. Дак ему поисть дать никто не догадался* (Куединские былички: 21).

Одной из характерных особенностей облика домового является его волосатость. Как указывает Е.Е. Левкиевская, «лохматость, косматость домового имели большое значение для благополучия хозяйства. Полагали, что у богатых людей домового покрыт густой шерстью, а у бедных – совсем голый» [Левкиевская 2000: 192]. А.Н. Афанасьев также писал об этом важном признаке духа дома: «Как все божества света и тепла представлялись у славян покрытыми шерстью (руном), так и домового. Народ верил, что домового весь оброс мягким пушком; даже ладони и подошвы у него мохнатые; только лицо около глаз и носа нагое» [Афанасьев 1851: электр. ресурс]. Представление о том, что дух дома должен иметь волосатый покров, отразилось в таких единицах, как *бородатый (дедушка, старик)*:

*Тут я, правда, знаю. Один старик бесей знал, знался с имя. У их со старухой мука по мешкам была, у каждого свой. Он всегда так брал. Себе мешок муки, ей другой отдает. Вот старуха примечать стала: у старика уж полмешка, а у нее еще полнехонек. Пришла она в голбец, спускается туда, а там старик сидит **бородатый** и вот так вот ладонями муку трескает (Былички и бывальщины: 91); Во сне **дедушка бородатый** давит, я отталкиваю, проснулась – всё равно давит (Материалы).*

В ряде мифологических текстов Пермского края домовый предстает в зооморфном облике. Дух дома может принимать вид домашних животных (курицы, кошки), птиц или насекомых:

*У меня был ребенок, ездили крестить в Камгорт. А раньше зыбки были, – вы уж их не видели, – зыбки эти весятя против печки. Из-под печки вдруг вылетит – и под зыбку, и под лавку – одна **курица** и вторая. А кто их гонял? И никто не гонял. Я сколько жила, такое не видела. Суседко, не иначе (Былички и бывальщины: 105); Под пологом в доме был у нас голбец и дырка для кошки. Пьем чай, смотрю: выходит **рыжая кошка**. Сидела я, вертелась, одна видела, а никто не видел. Под стол **кошка** зашла и исчезла (Былички и бывальщины: 88); Вот нам и как-то говорили на лекции, что надо всегда угощение оставлять на столе. А у нас ходит такой, знаешь, **жук большой**. Мы его не убиваем (Материалы); Отец говорил, домовый-то он **ласточка-касатка** такая. Черненький, с лапками белыми и с хвостиком вот таким (Куединские былички: 23).*

Можно также встретить тексты, в которых при описании домового используется слово *зверёночек*:

*Случай был с дёминской Марией Антоновной. Они свой дом поставили, не выплотничали, железом покрыли. Только видела: два **малюсеньких зверёночка** выбежали и в избу забежали новую... Ну это, видно, и есть суседко и суседиха (Былички и бывальщины: 90).*

Иногда зооморфный облик домового не прояснен, и тогда персонаж описывается как *какой-то мохнатый*; указанное сочетание отражает мотив о наличии у домового волосяного покрова, о котором говорилось выше:

*Лежала я в больнице. Лежу, слышу: санитарки смеются, громко так. Глаза закрою – с меня кто-то одеяло тянет, открою глаза – нет никого. Снова закрою – снова тянет, вдруг чувствую: **мохнатый какой-то** под бок подкатил. Я хочу позвать Наташу, санитарка там такая была, и не могу зухать. Потом мне сказали: «Выживает тебя». И правда, скоро написали. Верь не верь, а вот так получается (Былички и бывальщины: 98).*

От собственно номинаций и единиц, описывающих внешний облик духа дома, необходимо отличать вокативы, т. е. единицы, выступающие

в функции обращения. Важно отметить, что в мифологических текстах Пермского края вокативы «чаще всего являются частью формул-апотропеев, используемых в обрядовой коммуникации с целью задабривания того или иного духа» [Гранова 2017: 60]. Чтобы показать свое уважение к духу дома, не разгневать его, обычно используются обращения, которые имеют суффикс *-ушк-/-юшк-: суседушка-братанушка, дедушка-суседушка, суседушка-батюшка*.

Чаще всего вокативы состоят из двух компонентов; см., например:

Суседушка-братанушка, люби эту белую баушку (Земля Соликамская: 170); Суседушко-матушко, прими-ко мою скотинушку! Люби её, уважай её! (Бахматов: 109).

Но иногда в роли вокатива используются единицы, которые обычно (вне текста формулы) являются номинациями персонажа. К таким единицам относятся слова *сусед, суседиха, суседко*:

Сусед и суседиха, идите с нами жить (Вишерская старина: 32).

В состав обращения часто входят термины родства (*соседушко-батюшко, суседушко-матушко, суседушка-браток, соседушка-братанушка*), поскольку «можно увидеть некий параллелизм в отношении человека и <...> домашних животных и мифологических хозяев <...> и людей. В отношении к домашним животным хозяйка берет на себя функции матери-кормилицы, в отношении к мифологическим хозяевам дома, двора, бани, леса <...> все домочадцы считают себя его подчиненными», признают главенство духа-«хозяина» как «отца» [Качинская 2015: 17].

В ряде текстов в качестве второго компонента вокатива выступает *заумь*, которая является разновидностью ритуальной речи, «представляющей собой бессмысленный набор непонятных, искаженных слов, обычно ритмически организованных и зарифмованных» [Левкиевская 1999б: 279]. В нашем случае *заумь* – это слово, рифмующееся с названием мифологического персонажа. Примерами вокативов с *заумью* могут служить следующие единицы: *дедушко-боданушко, суседушко-вакедушко*:

*Есть, наверное, домовый. Суседушка-боданушко называется. Скотина пропадет, идешь в лес: «**Дедушко-боданушко, выведи мою коровушку**. Он ведь везде бегает, не сидит он ведь в избе-то... (Куединские былички: 25); Сусед-то бес, бесишко он. Я его не видела, он не покажется. На новое место его зовешь: «**Суседушко-вакедушко, пойдём с нами на новое место!**» (Материалы).*

Как отмечают исследователи, «заумь используется в номинациях духов-“хозяев”, во-первых, для замещения их имен, которые воспринимаются в народной культуре как “опасные” слова, произнесение которых может вызвать недовольство персонажа, а во-вторых, для более успешной коммуникации с духом, установления с ним контакта» [Гранова 2017: 61].

Формулы-апотропеи, частью которых являются вокативы, имеют четкую структуру, включающую обращение к мифологическому персонажу, сказуемое, «выраженное глаголом повелительного наклонения единственного и множественного числа или формой вежливости и различного рода обстоятельства, преимущественно места или цели действия» [Криничная 2004: 232]:

Суседушка-браток, пошли со мной! (Былички и бывальщины: 111); *Сусед-суседушка, пойдём на новую квартиру, будешь дом стеречь и хозяина беречь* (Вишерская старина: 33); *Дедка-соседка, мы уезжаем в новый дом и ты с нами, там тебе будет хорошо* (Куединские былички: 20); *Суседушко-братанушко, вот тебе сани, пойдём с нами* (Земля Соликамская: 170); *Суседушко-матушко, прими-ко мою скотинушку! Люби её, уважай её!* (Былички и бывальщины: 109).

Анализ пермских мифологических текстов показывает, что существует несколько ситуаций, когда человек использует формулы-апотропеи при обращении к домовому:

- переезд в новый дом – *Сусед и суседиха, иди-те с нами жить* (Вишерская старина: 32);
- ввод невестки в дом жениха – *Молодая, когда к мужу переезжат, приходит наперед к колдуну: «Батюшка-суседушка, воду мне дай!»* (Куединские былички: 21);
- повторная женитьба и ввод новой жены в дом – *Суседушко-братанушко, люби эту белую баушку* (Земля Соликамская: 170);
- покупка скотины – *Соседушко-братанушко, люби мою скотинушку. Суседушко-братанушко, люби и меня* (Куединские былички: 20);
- причинение домовым вреда человеку и его скотине – *А вот еще соседка говорит: «Спать боюсь. Как только глаза закрою, из голбца выходит и целоваться лезет с бородой такой...» Я говорю: «Это суседушко тебя не любит. Откупись, скажи: “Суседушко-батюшка, не обижай меня”»* (Куединские былички: 22).

Итак, лексические единицы, обозначающие домового, довольно многочисленны и разнообразны, их можно разделить на три группы. Первая группа – это номинации домового. Мотивы, которые отражаются в данных единицах, различ-

ны: персонаж обитает в том пространстве, хозяином которого он является; персонаж воспринимается как покровитель дома; персонаж живет вместе с домочадцами и является их соседом.

От номинаций домового стоит отличать единицы, указывающие на образы оборотничества персонажа. Такие лексемы и сочетания составляют вторую группу. Эти единицы отражают следующие представления о домовом: персонаж может принимать антропоморфный облик (часто вид старика/старухи); персонаж имеет густой волосной покров (шерсть или длинную бороду); персонаж имеет рост ниже человеческого; персонаж может принимать зооморфный облик.

Названия домового в ряде текстов могут использоваться в качестве вокативов, или обращений. Такие единицы являются частью формул-апотропеев, обращенных к духу дома и имеющих устойчивую структуру: вокатив + глагол в повелительном наклонении.

Вокативы, обращенные к домовому, чаще всего состоят из двух компонентов. Однако в роли вокатива могут выступать и однословные единицы (наиболее часто – слова *сусед*, *суседко*, *суседиха* и термины родства). В некоторых случаях в качестве второго компонента вокатива выступает заумь.

Лексические единицы, обозначающие духа дома в мифологических текстах Пермского края, отражают мотивы, характерные в целом для Русского Севера.

Примечание

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 18-312-00140 мол_а «Разработка принципов представления мифологической лексики в электронном словаре (на материале мифологических текстов Пермского края)».

Список источников

Бахматов А.А. и др. Русские в Коми-Пермяцком округе: обрядность и фольклор: материалы и исследования / А.А. Бахматов, Т.Г. Голева, И.А. Подюков, А.В. Черных. Пермь: ОТиДО, 2008. 502 с.

Былички и бывальщины: старозаветные рассказы, записанные в Прикамье / сост. К.Э. Шумов. Пермь: Кн. изд-во, 1991. 412 с.

Вишерская старина: сб. фольклорно-этнолингвистических матер. по обрядовой традиции Красновишерского района / сост. Н.В. Жданова, И.А. Подюков, С.В. Хоробрых; Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2002. 115 с.

Земля Соликамская: Традиционная культура, обрядность и фольклор русских Соликамского

района / сост. И.А. Подюков, А.В. Черных, С.В. Хоробрых. Пермь: Перм. кн. изд-во, 2006. 224 с.

Куединские былички: Мифологические рассказы русских Куединского района Пермской области в конце XIX – XX вв. / сост. А.В. Черных; УрО РАН. Пермь, 2004. 114 с.

Материалы фольклорного архива при кафедре русской литературы и архива лаборатории региональной лексикологии и лексикографии при кафедре теоретического и прикладного языкознания ПГНИУ.

Список литературы

Афанасьев А.Н. Религиозно-языческое значение избы славянина. 1851. [Электронный ресурс]. URL: <http://slavya.ru/trad/home/izba.htm> (дата обращения: 07.11.2018).

Гранова М.А. Электронный этнодиалектный «Словарь мифологических рассказов Пермского края»: опыт разработки и использования: дис. ... магистра по направлению «Филология». Пермь 2017. 170 с. (Рукопись.)

Качинская И.Б. Термины родства в мифологическом пространстве (по материалам архангельских говоров) // Вестник Пермского универ-

ситета. Российская и зарубежная филология. 2015. № 2(30). С. 16–26.

Криничная Н.А. Русская мифология: Мир образов фольклора. М.: Академический Проект: Гаудеамус, 2004. 1008 с.

Левкиевская Е.Е. Домовой // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под. общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 1999а. Т. 2. С. 120–124.

Левкиевская Е.Е. Заумь // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под. общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 1999б. Т. 2. С. 279–282.

Левкиевская Е.Е. Мифы русского народа. М.: Астрель, 2000. 528 с.

Русинова И.И., Гранова М.А. Отражение сюжетных мотивов в номинациях домового и лешего (на материале мифологических рассказов пермского края) // Филологические науки: вопросы теории и практики. 2016. № 12(66). Ч. 2. С. 160–162.

Черепанова О.А. Мифологические рассказы и легенды Русского Севера. СПб., 1996. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/mip/hol/ogi/che/skye> (дата обращения: 05.11.2018).

LEXICAL UNITS DENOTING HOUSE SPIRITS IN MYTHOLOGICAL TEXTS OF THE PERM KRAY

Darya A. Mezhevaya

**Master student, the Russian Literature Department
Perm State University**

The article deals with lexical units and phrases denoting house spirits. It is argued that these units form three groups: nominating the house spirit; denoting its appearance; naming the mythological character used in the vocative function. The article describes the structure of texts being formulas-apotropei and including an appeal to the house spirit. The structure of such vocative units is analyzed. It is concluded that most often vocatives turned to the house spirit consist of two components. Sometimes the second word in the vocative is represented by a pilpul.

Keywords: mythological text; the Perm Kray; mythological lexis; names of the house spirit; appeal to the house spirit.